

*Максим Станиславович МАТЕЙКОВИЧ —
проректор по работе с филиалами,
доктор юридических наук, профессор*

*Владимир Владимирович ЯКУШЕВ —
глава города Тюмени*

УДК 349. 5

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются нормы Конституции Российской Федерации и правовые позиции Конституционного Суда России, посвященные реализации принципа разделения властей на региональном уровне.

The authors analyze the norms of the Russian Constitution and legal positions of the Constitutional Court of Russia, that are connected with the realization of the principle of power division at a regional level.

Основополагающие принципы организации государства, руководящие идеи, которые определяют его правовую систему, ценностные ориентиры для органов публичной власти, юридический статус личности, в полной мере распространяются как на Российскую Федерацию в целом, так и на отдельные ее субъекты. Иначе быть не может в единой суверенной стране. Поэтому все нормы Конституции Российской Федерации, в том числе о правовом государстве (ч. 1 ст. 1), о разделении властей (ст. 10), должны получать свое развитие как в федеральном, так и региональном законодательстве.

Однако, несмотря на стремительное развитие региональной законодательной базы, которое мы наблюдали в 90-е годы прошедшего столетия, осознание того, что организация публичной власти в субъектах федерации не может выходить своими особенностями за рамки конституционных принципов, пришло значительно позднее — только в результате избрания на должность Президента России В. В. Путина и значительной активизации федеральных правоохранительных структур.

К этому времени уже была накоплена богатая практика деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, который своими решениями не только беспрестанно вводил регионального законодателя в рамки Основного закона страны, но и значительно обогатил официальное (да и доктринальное тоже) понимание его положений.

Так, в постановлении от 5 июля 2001 г. № 11-П по делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 г. № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» Конституционный Суд официально признал разделение властей в качестве одной из конституционных основ правового государства [1].

Разделение властей закрепляется в Конституции Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя для Российской Федерации в целом, т. е. не только для федерального уровня, но и для организации государственной власти в ее субъектах. Данная правовая позиция была выражена в постановлении от 18 января 1996 г. № 2-П по делу о проверке конституционности ряда положений Устава

(Основного Закона) Алтайского края [2]. Именно разделение властей было признано тогда важнейшим фундаментом для унификации регионального государственного механизма, находившегося в условиях отсутствия федерального закона в состоянии эксперимента с весьма противоречивыми результатами.

Конституционный Суд в названном постановлении также обратил внимание на соотношение двух частей ст. 77 Основного закона страны.

С одной стороны, система органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов устанавливается самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом (ч. 1). Согласно интерпретации Суда из данной нормы вытекает правило установления не только собственно системы (т. е. видов органов государственной власти и их взаимосвязанном единстве), но и компетенции региональных органов государственной власти: субъекты федерации самостоятельно определяют полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации, не затрагивающие конституционные основы и прерогативы федерального законодателя.

С другой стороны, в пределах ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти в Российской Федерации (ч. 2). В постановлении от 18 января 1996 г. № 2-П Суд воздержался от обозначения конкретных юридических предписаний для регионального законодателя, вытекающих из приведенной нормы. Он лишь указал, что данное правило «должно обеспечиваться при конституировании органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

В этой связи очевидно, что механизм реализации принципа разделения властей в субъектах федерации имеет более сложный характер, чем на федеральном уровне. Это обусловлено, с одной стороны, взаимной самостоятельностью региональных органов по отношению друг к другу, а с другой стороны — вертикальной подчиненностью органов исполнительной власти субъекта федеральным президенту и правительству. В рамках такого механизма неизбежно некоторое ослабление региональных исполнительных органов по отношению к органам законодательным, что компенсируется появлением дополнительных федеральных «сдержек и противовесов».

Суть же системы «сдержек и противовесов» в анализируемом постановлении отражена следующим образом: органы законодательной и исполнительной власти в пределах своей компетенции действуют независимо друг от друга, каждая власть формируется как самостоятельная, а полномочия одной власти по прекращению деятельности другой допустимы только при условии сбалансированности таких полномочий, обеспечиваемой на основе законодательных решений. Тем самым исключается «возможность концентрации власти у одной из них, обеспечивает самостоятельное функционирование всех ветвей власти и одновременно — их взаимодействие». Так, роспуск законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта федерации возможен его высшим должностным лицом только при наличии со стороны первого судебным установленным и в течение шести месяцев не устраненного нарушения федерального законодательства или конституции (устава) субъекта федерации (пп. «б» п. 1 и п. 2 ст. 9 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в редакции от 11 декабря 2004 года). В то же время региональный парламент также не может самостоятельно прекратить полномочия высшего должностного лица субъекта: выражение ему недоверия со стороны депу-

татов носит лишь характер предложения, рассматриваемого главой государства, который и принимает окончательное решение (пп. «б» п. 1 ст. 19 названного Федерального закона) [3].

В постановлении Конституционного Суда от 18 января 1996 г. № 2-П сделан вывод и о конституционно обусловленном механизме наделения полномочиями главы региональной исполнительной власти: как следует из смысла ст. 3 во взаимосвязи со ст. 32 Конституции России, «высшее должностное лицо, формирующее орган исполнительной власти, получает свой мандат непосредственно от народа и перед ним ответственно». На тот момент в Уставе Алтайского края (ст. 83 в редакции от 2 октября 1995 г.) было установлено иное: главу администрации избирает Законодательное Собрание. Тем самым, отметил Суд, «законодательное Собрание превращено в своеобразную избирательную коллегию, решение которой подменяет прямое волеизъявление избирателей. Такой порядок избрания не соответствует Конституции Российской Федерации».

В данном постановлении, однако, содержится существенная оговорка: обосновывая свою позицию, Суд сослался на норму действовавшего тогда Федерального закона от 6 декабря 1994 г. «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», который называл в числе избираемых гражданами должностных лиц главу исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации (ст. 2).

Федеральным законом от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ существенные изменения были внесены как в избирательное законодательство, так и в правовые нормы, составляющие общие принципы организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов федерации: высшее должностное лицо субъекта уже не избирается на прямых выборах, а «наделяется полномочиями» региональным парламентом, причем по представлению Президента России. Таким образом, даже само по себе изменение федерального законодательства делает некорректными какие-либо попытки оспорить конституционность обозначенных нововведений на основе правовой позиции Конституционного Суда, выраженной в постановлении от 18 января 1996 г. № 2-П. Более того, нельзя не отметить и абсолютную правомерность с точки зрения соблюдения Основного закона страны президентских прерогатив в сфере формирования региональной исполнительной власти. Президент как гарант Конституции осуществляет полномочия по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти (ч. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации), в том числе в тех случаях, когда механизм реализации этих полномочий не конкретизируется ни в Конституции Российской Федерации, ни в федеральных законах. Общие рамки полномочий президента Российской Федерации определяются принципом разделения властей, а также требованием ст. 90 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, согласно которому указы и распоряжения президента Российской Федерации не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам. Тем более нет препятствий для выполнения главой государства его конституционных функций непосредственно на основании федерального закона, в данном случае — Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Соответствующая правовая позиция была выражена Конституционным Судом в постановлении от 1 декабря 1999 г. № 17-П по спору о компетенции между Советом Федерации и президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела» [4], а затем подтвер-

ждена в постановлении от 4 апреля 2002 г. № 8-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета — Хасэ Республики Адыгея» [5].

Развернувшаяся в литературе дискуссия вокруг нового порядка наделения полномочиями глав региональной исполнительной власти идет главным образом вокруг оценки его конституционности с позиций идеалов демократии и сохранения объема избирательных прав граждан. В частности, позиция сторонников нововведений сводится к тому, что Конституция «не препятствует возможности установить федеральным законом любой способ формирования исполнительного органа субъектов» [6].

Между тем в современных условиях развития федеративных отношений, проведения масштабных экономических и социальных реформ избрание губернаторов непосредственно населением нарушило конституционную систему «сдержек и противовесов». С одной стороны, законодательная власть при наличии «всенародно» избранного губернатора (президента, главы администрации, мэра и т. д.) оказалась в заведомо слабом положении по отношению к исполнительной власти в силу чрезвычайно низкой эффективности механизма конституционно-правовой ответственности последней. С другой стороны, не обеспечивалось конституционное единство системы исполнительной власти в стране, отчего высшее должностное лицо вообще оказывалось вне какого-либо федерального контроля. Оценивая политические и социологические аспекты проблемы, известный ученый-конституционалист В. Е. Чиркин справедливо отметил, что, во-первых, «в настоящий момент остро стоит необходимость удержать российское государство от сепаратизма», а во-вторых, «есть необходимость ограничить своеволие губернаторов, многие из которых стали удельными князьями в своих вотчинах и командуют там, как хотят, часто не подчиняясь решениям центральной федеральной власти» [7].

Но наибольшую неэффективность в реализации предоставленных полномочий отдельные представители региональной исполнительной власти проявили в условиях террористической агрессии, которая привела к гибели сотен российских граждан. Поэтому восстановление нормального механизма «сдержек и противовесов» на региональном уровне — насущная задача современного российского государства, главной конституционной обязанностью которого, как известно, является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека.

Постановление от 18 января 1996 г. № 2-П внесло ясность в понимание и многих других конституционных аспектов разделения властей в субъектах федерации, в том числе в сфере баланса полномочий законодательной и исполнительной власти.

Так, Суд, исходя именно из принципа разделения властей, распространил установленный Конституцией порядок промульгации (подписания и обнародования) федеральных законов главой государства на региональный уровень. В постановлении отмечено, что «принятие и промульгация законов одним и тем же органом нарушили бы баланс властей в сфере законотворчества. Все это существенно и для законодательного процесса на уровне субъекта Российской Федерации, где промульгация в принципе осуществляется главой администрации. Глава администрации тем самым приобретает право вето в отношении принятых законодательными органами законов, а также право подписать и обнародовать закон. Устав может уравновесить эти полномочия путем закрепления порядка преодоления вето главы администрации и его обязанности подписать закон при выполнении определенных условий». Позднее, в постановлении от 1 февраля 1996 г. № 3-П по делу о проверке конституционности ряда положений Устава — Основного Закона Читинской области, Суд указал, что обнародование закона предполагает его удостоверение главой администрации и

определил формы такого удостоверения: или путем подписания закона, или путем издания специального акта [8].

Конституционный Суд также дал развернутое толкование статьи 10 Основного закона страны с позиции участия регионального парламента в формировании высшего исполнительного органа государственной власти субъекта федерации (правительства, администрации). С одной стороны, указал Суд, такое участие законодателя возможно как «один из элементов системы сдержек и противовесов, дающий ему возможность влиять на исполнительную власть» (постановления от 18 января 1996 г. № 2-П, от 1 февраля 1996 г. № 3-П, от 10 декабря 1997 г. № 19-П, от 7 июня 2000 г. № 10-П; определения от 14 января 2003 г. № 1-О и от 6 июня 2003 г. № 250-О). С другой стороны, участие регионального парламента в формировании высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, в утверждении или согласовании назначения его отдельных должностных лиц не может затрагивать прерогативу высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в конечном счете самостоятельно решать данный вопрос, а использование законодателем субъекта согласительных процедур во всяком случае «не должно парализовать деятельность входящих в единую систему исполнительной власти в Российской Федерации органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации или лишать их самостоятельности при осуществлении принадлежащих им полномочий в конституционно-правовой системе разделения властей» (определение от 16 декабря 2004 г. № 386-О).

Что касается участия регионального законодателя в прекращении полномочий должностных лиц правительства, администрации субъекта федерации, то здесь вопрос был однозначно решен в пользу исполнительной власти. В целях соблюдения принципа самостоятельности исполнительной власти субъекта Российской Федерации нельзя ограничивать главу администрации в праве освобождать от должности должностных лиц администрации (первого заместителя главы, руководителей иных органов исполнительной власти) без согласия регионального парламента (постановления от 18 января 1996 г. № 2-П, от 1 февраля 1996 г. № 3-П, от 7 июня 2000 г. № 10-П). Решение представительного органа о выражении недоверия данным должностным лицам не может быть основанием для обязательного ухода их в отставку.

Суд и в дальнейшем неоднократно обращался к проблеме осуществления парламентского контроля, в том числе за деятельностью исполнительной власти.

Так, в постановлении от 1 декабря 1997 г. № 18-П по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» подтверждена не только допустимость, но и необходимость в условиях разделения властей участия в осуществлении контроля за исполнением федеральных законов органов законодательной власти субъектов федерации [9].

В постановлении от 10 декабря 1997 г. № 19-П по делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Тамбовской области подчеркивается необходимость определения в нормах региональных конституций, уставов исчерпывающего перечня контрольных полномочий парламента по отношению к администрации (правительству) и недопустимость установления подотчетности и подконтрольности органа исполнительной субъекта Федерации представительному органу в качестве общего принципа их отношений [10]. Система «сдержек и противовесов» предполагает скорее взаимность контроля, поскольку часть ответственности за исполнение закона несет и сама законодательная власть, в том числе депутаты, органы парламента, его аппарат и т. д.

Принцип разделения властей не допускает и сосредоточения функций различных ветвей власти в одном органе. Следовательно, недопустимо совмещение депутатского мандата с занятием должности на государственной службе. Данная правовая

позиция, выраженная в постановлении Конституционного Суда от 29 мая 1998 г. № 16-П по делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 28 Закона Республики Коми «О государственной службе Республики Коми» [11], позволила юридически усилить роль законодательных органов и в какой-то мере обеспечить независимость депутатского корпуса. Вместе с тем конституционно-правовое регулирование и фактические конституционно-правовые отношения на уровне субъекта федерации далеко не всегда тождественны, во всяком случае, отсутствие статуса государственного служащего — достаточно слабая гарантия независимости депутата от исполнительной власти.

Наконец, взаимоотношения между законодательной и исполнительной властью нельзя рассматривать только в «горизонтальной» плоскости. В каждом субъекте федерации действует солидный набор территориальных органов федеральной исполнительной власти. Конституционно значимым здесь является вопрос о степени участия регионального парламента в формировании указанных территориальных органов, в том числе и тогда, когда соответствующие полномочия переданы ему федеральным законодателем. Отвечая на данный вопрос, Конституционный Суд в постановлении от 7 июня 2000 г. № 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [12] выразил следующую правовую позицию: «Если на соответствующие территориальные органы федеральных органов исполнительной власти возлагаются полномочия Российской Федерации по вопросам совместного ведения, то... федеральный законодатель вправе предусмотреть возможность согласования с законодательным (представительным) органом субъекта Российской Федерации назначения на должность руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти... Этим не затрагиваются прерогативы Российской Федерации в конечном счете самостоятельно решать данный вопрос при условии использования установленных Конституцией Российской Федерации и федеральным законом необходимых согласительных и юрисдикционных процедур». Вот еще одно убедительное свидетельство того, что принцип разделения властей на региональном уровне не может быть реализован в отрыве от важнейшего принципа федеративного устройства страны — разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации (ч. 3 ст. 5 Конституции России).

В условиях отсутствия Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» обозначенные выше правовые позиции Конституционного Суда позволили в значительной мере скорректировать региональное регулирование властеотношений на основе конституционных принципов. Впоследствии эти правовые позиции обрели форму законодательных предписаний.

Конституционно-правовое регулирование не обошло стороной и деятельность на региональном уровне судебной власти, ее взаимоотношений с региональными парламентами и администрациями (правительствами). В частности, Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил единство судебной системы страны и недопустимость создания самостоятельных судебных систем субъектов федерации (определение от 6 марта 2003 г. № 103-О по запросам Государственного Собрания Республики Башкортостан и Государственного Совета Республики Татарстан о проверке конституционности ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [13]). Однако возможно предоставление региональными законами судам субъектов Российской Федерации полномочий вне пределов, установленных федеральным законодательством, если эти полномочия

соответствуют их юридической природе и касаются вопросов, относящихся к ведению субъектов Российской Федерации в силу ст. 73 Конституции Российской Федерации (определение от 8 июня 2004 г. № 230-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса Санкт-Петербургского городского суда о проверке конституционности п. 3 ст. 10 Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации»). В любом случае региональный законодатель не вправе регламентировать процедуру своего участия в назначении судей федеральных судов (постановление от 1 февраля 1996 г. № 3-П). В то же время сами федеральные суды не вправе осуществлять полномочия регионального законодателя, в том числе признавать законы субъекта федерации недействительными (постановление от 11 апреля 2000 г. № 6-П по делу о проверке конституционности отдельных положений п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 21 и п. 3 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации [14]).

Подводя итог, следует отметить, что в процессе толкования норм Конституции, сопоставления их с положениями иных правовых актов, фактически формируются предписания, юридическая сила которых, как пишет Б. А. Страшун, «превышает юридическую силу любого закона, а следовательно, практически равна силе самой Конституции, которую уже нельзя применять в отрыве от итоговых решений Конституционного Суда, относящихся к соответствующим ее нормам, и тем более вопреки этим решениям» [15]. Серьезный научный интерес имеет попытка систематизировать этот срез юридических предписаний и выделить с их помощью конституционные основы разделения властей в субъектах федерации. К таким основам относятся следующие правовые позиции:

1) разделение властей — одна из основ конституционного строя не только для федерального уровня, но и для организации государственной власти в ее субъектах;

2) субъекты федерации самостоятельно определяют полномочия своих органов государственной власти, не затрагивающие конституционные прерогативы федерального законодателя.

3) полномочия одной власти по прекращению деятельности другой допустимы только при условии сбалансированности таких полномочий. Такова суть системы «сдержек и противовесов»;

4) промульгация (подписание и обнародование) региональных законов осуществляется главой исполнительной власти субъекта федерации, который обладает правом вето в отношении этих законов;

5) участие регионального парламента в формировании высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, в утверждении или согласовании назначения его отдельных должностных лиц возможно, но не должно затрагивать прерогативу высшего должностного лица субъекта в конечном счете самостоятельно решать данный вопрос. Освобождение же этих должностных лиц от должности осуществляется без участия регионального законодателя;

6) решение представительного органа о выражении недоверия должностным лицам региональной администрации (правительства) не может быть основанием для обязательного ухода их в отставку;

7) недопустимо установление подотчетности и подконтрольности органа исполнительной власти субъекта федерации представительному органу в качестве общего принципа их отношений;

8) согласование с региональным парламентом назначения на должность руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти возможно, если на эти органы возлагаются полномочия Российской Федерации по вопросам совместного ведения;

9) региональный законодатель:

— вправе наделять суды субъектов федерации полномочиями вне пределов, установленных федеральным законодательством, если эти полномочия соответствуют их юридической природе и касаются вопросов, относящихся к ведению субъектов Российской Федерации;

— не вправе регламентировать процедуру своего участия в назначении судей федеральных судов.

В то же время сами федеральные суды не вправе осуществлять полномочия регионального законодателя, в том числе признавать законы субъекта федерации недействительными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 3059.
2. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 4. Ст. 409.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 50. Ст. 4950.
4. Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 51. Ст. 6354.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 15. Ст. 1497.
6. Хабриева Т. Я. Новые законопроекты о порядке формирования Государственной Думы и органов исполнительной власти субъектов РФ (сравнительный анализ российского и зарубежного опыта) // Журнал российского права. 2004. № 11. С. 5.
7. Какая избирательная система нужна России? (Интервью с В. Е. Чиркиным, главным научным сотрудником ИГПРАН, доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки РФ, заслуженным юристом РФ) // Законодательство и экономика. 2005. № 1. С. 7.
8. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 7. Ст. 700.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 50. Ст. 5711.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 51. Ст. 5877.
11. Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 23. Ст. 2626.
12. Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 25. Ст. 2728.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 17. Ст. 1658.
14. Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 16. Ст. 1774.
15. Страшун Б. А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Отв. ред. А. А. Вешняков. М., 2000. С. 117.

Михаил Николаевич ЩЕРБИНИН —
заведующий кафедрой философии,
доктор философских наук, профессор

УДК 39; 572

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Что для философии идеи,
То для искусства боги, и наоборот.

Ф. В. Й. Шеллинг

АННОТАЦИЯ. В данной статье читателям предложено проследить историю и перспективы формирования одного из направлений современной философской мысли, которому может быть дано название «Эстетическая антропология». Автором обоснуется выбор термина «эстетическая антропология», позволяющий отличить антропологию этого вида от философии искусства и эстетики, обозначены проблематика, методология, предметное поле и наиболее важные теоретические положения.

The author offers his readers to follow the history and formation perspectives of one trend in present philosophic thought that can be named as «Aesthetic anthropology». The